

«Сорок тысяч мертвых окон...»

Как началась и закончилась армяно-азербайджанская война 1918–1920 гг.

В один из осенних дней 1930 года Осип Мандельштам приехал в Шушу — город, в котором долгие годы бок о бок жили армяне и азербайджанцы. Это была картина катастрофы. «Мы прошли по улицам, и всюду одно и то же: два ряда домов без крыш, без окон, без дверей. В вырезы окон видны пустые комнаты, изредка обрывки обоев, полуразрушенные печи, иногда остатки сломанной мебели. Дома из знаменитого розового туфа, двухэтажные. Все перегородки сломаны, и сквозь эти остовы всюду сквозит синее небо. Говорят, что после резни все колодцы были забиты трупами. Если кто и уцелел, то бежал из этого города смерти», — писала в воспоминаниях вдова поэта Надежда Мандельштам. Сам Осип Мандельштам год спустя передал впечатления об увиденном в стихотворении «Фаэтонщик», где написано о «хищном городе Шуше» и его «сорока тысячах мертвых окон».

Летопись жестокостей

Шуша может считаться печальным символом смертельной необузданности этнических конфликтов. В XX веке этот город почти до основания разрушали трижды — в 1905, 1920 и 1992 годах. То, что Мандельштамы увидели в 1930-м, было последствием мартовских событий 1920-го. Тогда в ходе армяно-азербайджанского военно-дипломатического противостояния, которое началось с провозглашения неза-

висимости Армянской и Азербайджанской республик 28 мая 1918 года, Шуша оказалась центром неудавшегося восстания армянского населения Нагорного Карабаха. В ответ азербайджанские вооруженные отряды разгромили армянские кварталы. Взаимная жестокость войны 1918–1920 годов и ее политическая неизбежность были во многом предопределены армяно-азербайджанскими столкновениями 1905–1906 годов. В то время весь Южный Кавказ (территории современных Азербайджана, Армении и Грузии) был частью Российской империи. К началу XX столетия армянская община приобрела огромное влияние, что объяснялось финансовым могуществом армянских коммерсантов, с которыми считалась имперская администрация. Армянское национальное движение было самым радикальным на Кавказе и своей активностью вызывало тревожные настроения российского начальства. Еще в 1882 году главноначальствующий на Кавказе и один из самых опытных имперских администраторов Александр Дондуков-Корсаков отмечал, что «вся торговля, промышленность, большая часть имуществ в городах и часть земельной собственности сосредоточены теперь в руках армян, к которым в непродолжительном времени должны будут перейти и грузинские дворянские имения, если правительство не примет против того особых мер». Спустя десять лет армянские интеллигенция и духовенство назывались имперскими властями в числе первых угроз, а новый кавказский главноначальствующий Сергей Шереметев в 1895 году докладывал Николаю II о планах армянских националистов создать собственное независимое государство с границами, «далеко простирающимися за пределы сплошной оседлости этого племени в Закавказье».

Однако ограничительные меры российской администрации только усилили решимость армянских радикальных групп. Имперские начальники в буквальном смысле почувствовали это на своей голове. 14 октября 1903 года на кавказского главноначальствующего князя Григория Голицына было совершено покушение. Нападавших было трое, и один из них успел нанести несколько ударов кинжалом Голицыну по голове. Благодаря расторопности кучера и охраны Голицын не получил серьез-

Между армянами и азербайджанцами в городах и поселках, где они проживали совместно, периодически возникали противоречия, ссоры, конфликты.

Питательной средой для них являлись религиозные отличия: армяне — христиане-монофизиты; азербайджанцы — мусульмане. Это дополнялось социально-экономическим неравенством

ных ранений, а нападавшие не успели скрыться. Одного из них убили в перестрелке, двое других были смертельно ранены. Как отметила официальная газета «Кавказ»: «Все три злоумышленника принадлежат к низшим классам армянского населения». Участие в подготовке покушения принимали члены армянской социал-демократической партии «Гнчак» («Колокол»), которая наряду с партией «Дашнакцутюн» («Армянское революционное содружество») пользовалась наибольшим авторитетом среди армянского населения.

Сто лет вражды

Азербайджанское национальное движение не было столь массовым и радикальным. Политическая партия мусульманского населения Южного Кавказа «Гуммет» («Энергия») не играла значимой роли в общественной жизни азербайджанцев, поэтому азербайджанцев, или, как их называли в Российской империи, «закавказских татар», имперские чиновники считали в целом лояльными и безобидными подданными.

Между соседями армянами и азербайджанцами периодически возникали противоречия, ссоры, конфликты: армяне — христиане-монофизиты; азербайджанцы — мусульмане-шииты. Армяне, как правило, были состоятельнее азербайджанцев, азербайджанцы нередко становились наемными работниками у армян. Особенно ярко социально-экономическое доминирование армян над азербайджанским населением проявлялось в крупных городах, в первую очередь в Баку — центре хозяйственной и экономической жизни южной окраины Российской империи.

«В области денежных и торговых-промышленных отношений армяне, ставшие в значительном числе крупными капиталистами, заняли в последние годы в Баку господствующее положение и подчинили своему влиянию местное мусульманское население. Создавшаяся этим путем материальная зависимость и достаточно ярко выраженные поползновения к систематическому порабощению в экономическом и промышленном отношении не могли не вызвать сильного озлобления мусульман против армян, а также решительного с их стороны стремления вырваться